

Под Красным Крестом

Category: Кітарсу

написано кітарсу | 26 января, 2025

Под Красным Крестом ПОД КРАСНЫМ КРЕСТОМ

Посв. памяти баронессы Ю.П.Вревской

Семь дней, семь ночей я дрался на Балканах,
Без памяти поднят был с мерзлой земли;
И долго, в шинели изорванной, в ранах,
Меня на скрипучей телеге везли;
Над нами кружились орлы, – ветер столам
Внимал, да в ту ночь, как по мокрым понтонам
Стучали копыта измученных кляч,
В плесканьях Думая мне слышался плач.

И с этим Дунаем прощаясь навеки,
Я думал: едва ль меня родина ждет!..
И вряд ли она будет в жалком калеке
Нуждаться, когда всех на битву пошлет...
Теперь ли, когда и любовь мне изменит,
Жалеть, что могила постель мне заменит!..
– И я уж не помню, как дальше везли
Меня то ухабам румынской земли...

В каком-то бараке очнулся я, снятый
С телеги, и – понял, что это – барак;
День ярко сквозил в щели кровли досчатой,
Но день безотраден был, – хуже, чем мрак...
Прикрытый лишь тряпкой, пропитанной кровью,
В грязи весь, лежал я, прильнув к изголовью,

И, сам искалеченный, тупо глядел
На лица и члены истерзанных тел.
И пыльный барак наш весь день растворялся:
Вносили одних, чтоб других выносить;
С носилками бледных гостей там встречался

Завернутый труп, что несли хоронить...
То слышалось ржанье обозных лошадок,
То стоны, то жалобы на распорядок...
То резкая брань, то смешные слова,
И врач наш острил, засучив рукава...

А вот подошла и сестра милосердия! –
Волнистой косы ее свесилась прядь.
Я дрогнул. – К чему молодое усердие?
«Без крика и плача могу я страдать...
Оставь ты меня умереть, ради бога!»
Она ж поглядела так кротко и строго,
Что Дал я ей волю и раны промыть, –
И раны промыть, и бинты наложить.

И вот, над собой слышу голос я нежный:
«Подайте рубашку!» и слышу ответ, –
Ответ нерешительный, но безнадежный:
«Все вышли, и тряпки нестиранной нет!»
И мыслю я: Боже! какое терпенье!
Я, дышащий труп, – я одно отвращенье
Внушаю; но – нет его в этих чертах
Прелестных, и нет его в этих глазах!

Недолго я был терпелив и послушен:
Настала унылая ночь, – гром гремел,
И трупами пахло, и воздух был душен...
На грязном полу кто-то сонный храпел...
Кое-где ночники, догорая, чадились,
И умиравшие тихо молились
И бредили, – даже кричали «ура!»
И, молча, покойники ждали утра...

То грезил я, то у меня дыбом волос
Вставал: то, в холодном поту, я кричал:
«Рубашку – рубашку!..» и долго мой голос
В ту ночь истомленных покой нарушал...
В туманном мозгу у меня разгорался

Какой-то злой умысел, и порывался
Бежать я, – как вдруг, слышу, катится гром,
И ветер к нам в щели бьет крупным дождем...

Притих я, смотрю, среди призраков ночи,
Сидит, в красноватом мерцанье огня,
Знакомая тень, и бессонные очи,
Как звезды, сквозь сумрак, глядят на меня.
Вот встала, идет и лицо наклоняет
К огню и одну из лампад задувает...
И чудится, будто одежда шуршит,
По белому темное что-то скользит...

И странно, в тот миг, как она замелькала
Как дух, над которым два белых крыла
Взвились, – я подумал: бедняжка устала,
И если б не крик мой, давно бы легла!..
Но вот, снова шорох, и – снова в одежде
Простой (в той, в которой ходила и прежде),
Она из укромного вышла угла,
И светлым виденьем ко мне подошла –

И с дрожью стыдливой любви мне сказала:
«Привстань! Я рубашку тебе принесла»...
Я понял, она на меня надевала
Белье, что с себя потихоньку сняла.
И плакал я. – Детское что-то, родное,
Проснулось в душе, и мое ретивое
Так билось в груди, что пророчило мне
Надежду на счастье в родной стороне...

И вот, я на родине! – Те же невзгоды,
Тщеславие бедности, праздный застой.
И старые сплетни, и новые моды...
Но нет! не забыть мне сестрицы святой!
Рубашку ее сохраню я до гроба...
И пусть наших недругов тешится злоба!
Я верю, что зло отзовется добром: –

Любовь мне сказала под Красным Крестом.

6 марта 1878 г.